УДК 94(47); 930.85

Г.В. Лобачева, В.Н. Парфенов, И.Р. Плеве

К ОБОЗНАЧЕНИЮ НОСИТЕЛЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ «ПЕРВОГО» И «ТРЕТЬЕГО» РИМА

В статье анализируется этимология основных терминов, характерных для обозначения единоличного правителя в Древнем Риме и Российской империи. Подчеркивается роль античного наследия для политической культуры монархической России. Авторы указывают, что эволюция в общественном сознании представлений о функциях правителя фиксировалась языковыми коррелятами, часть которых

затем кодифицировалась в качестве государственно-правовых терминов. Подчеркивается, что семантической доминантой сложившегося ряда наименований носителя верховной власти было слово «царь».

Император, самодержец, август, монарх, царь

G.V. Lobachouva, V.N. Parfenov, I.R. Pleve

DESIGNATION OF SUPREME POWER IN THE POLITICAL CULTURE OF THE «FIRST» AND «THIRD» ROME

The paper considers etymology of the key terms used to characterize and denote the sole rulers in Ancient Rome and Russian Empire. The focus is made on the role of ancient legacy for the political culture of Russia under the monarchist system. The authors show that evolution of ideas relating the rights and responsibilities of a ruler were recorded in the corresponding linguistic units, and subsequently were used and codified as state and legal terms. It is emphasized that the word «tsar» became the semantic dominant in the established lexico-semantic group of words related to the meaning «sovereign».

Emperor, autocrat, August, monarch, tsar

Когда в 1721 году Россия была провозглашена империей, ее правитель (вплоть до марта 1917 г.) стал официально именоваться «императором и самодержцем Всероссийским». Оба термина восходят ко временам Римской империи, бывшей образцом для подражания у монархов Средневековья и Нового времени. Правда, если учесть первоначальный их смысл, становится очевидным, какую долгую и интересную жизнь имеют некоторые термины. Так, русское «самодержец» является калькой с греческого *autokratōr*, что на латинском языке соответствует титулу *imperator*[84, p. 281]. Таким образом, на первый взгляд, в титулатуре российского императора присутствует тавтология. Однако в действительности всё несколько сложнее. Слово «самодержец» использовалось в политическом лексиконе наряду со словом «царь» для обозначения носителя верховной власти. Имея в основе корень «dher~», широко распространенный в индоевропейских языках [48, т. 1, с. 503], старославянское «дръжж» – «держатель» [72, т. 1, с. 503], сохранив, как считает М.В. Ильин, основополагающие исходные смыслы прочности, крепости, надежности [22, с. 224], породило слова «держатель», «держальник», «державец» со значениями, во-первых, «собственник», «владелец»; во-вторых, «властелин», «правитель». Во втором из указанных значений эти слова и их производные довольно часто употреблялись средневековыми авторами: «Великий в князях князь Святослав, вжделанием зело вжделав, држдаливый владыка» (Изборник 1073 года) [70, т. 1, стлб. 777], «При благороднем князи Всеволоде, державному Русьскыя земля и чадом его Володимера и Востислава воеводьство держащю…» (Повесть временных лет, под 1089 годом. Список 1377 года) [34, с. 208]; «Мы ли хотим подручники быти московскому держателю и его князем» (История о Казанском царстве – Казанский летописец. Список XVI-XVII вв.) [46, с.65]; «И отписал бы князь Данило в Оршу к державцу, кому ныне в Орше приказано» (из дипломатического документа 1582 года) [Цит. по: 61, с. 232].

Для указания на полновластие того или иного князя вводилось уточняющее «едино~» – «Единодержец быв земли своем» («Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона) [70, т. 1, стлб. 812]. Позже возникало сложное слово, в котором корень «держ~» соединялся с корнем «сам~» (в индоевропейских языках «sem» – «один»), имеющим значение «истинный», «подлинный», «настоящий», а с прилагательным выражающий превосходную степень [48, т. 1, с. 248], то есть, «самый властный». И. И. Срезневский приводил примеры использования этого слова в письменных источниках: «И толико лети мнози же самодержици придоша, держащие стол княжения Киевского, и того же боголюбиваго Всеволода иже созда церковь ту…», «По смерти же великаго князя Романа, приснопамятного самодержца…»[Цит. по: 70, т. 3, стлб. 249].

В политической практике термин «самодержец» начал применяться при Иване III – во время венчания на царство в 1498 году его внука уже звучало «преславный царь самодержец» [29, с. 7]; к Василию Ивановичу Иосиф Волоцкий (1515 год) обращается: «Благородному и христолюбивому самодержцу, царю и государю всея Руси» [Цит. по: 70, т. 3, стлб. 249]. В вовлечении в оборот новой лексической единицы В. О. Ключевский видел след византийского влияния [27, т. 6, с. 138]. Желание

подчеркнуть преемственность и оттенить значение русской верховной власти авторитетом византийских императоров натолкнуло на мысль использовать в новом качестве уже известное слово «самодержец», тем более, что оно соответствовало греческому «autokratōr» («autos» – «сам» , «kratos» – «власть»), означавшему «император».

В то же время В. О. Ключевский считал, что первоначально под термином «самодержец» подразумевалась независимость русской верховной власти от других государств, а не внутреннее полновластие [27, т. 6, с. 138]. Эта точка зрения, получившая распространение в дореволюционной историографии [29, с. 4; 10, с. 625], имеет хождение и сегодня [4, с. 16], хотя вряд ли с ней можно безоговорочно согласиться. Маловероятно, чтобы лексическая единица с уже сложившимся содержательным компонентом вдруг на некоторое, причем краткое время (уже при Иване Грозном самодержавие понимается как неограниченная власть) [20, с. 162], меняла свое значение. Тем более, что одновременно вошедшее в обиход слово «царь» уже несло подобную смысловую нагрузку – правитель суверенного государства. Включение в активный политический лексикон, а затем, начиная с Федора Ивановича, и в титул верховной власти слова «самодержец» – «Божиею милостию Государь Царь и Великий Князь всеа Русии Самодержец» [12, с. 143], отражало проявление абсолютистской тенденции в развитии российской государственности. Этот термин со времени включения в титул и до 1917 года сохранял свое место как в третьей части полного титула, выражавшей суть власти – «Божею поспешествуя милостью, мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский…», так и в кратком его варианте [59, ст. 37, с. 7; 21, ч. 1, с. 97]. Даже Петр I, кромсая со свойственным ему реформаторским задором старую формулировку титула, не покусился на слово «самодержавие». Именно оно, вероятно в наибольшей степени отражало то понимание природы Российского государства, которое сложилось в общественном сознании.

Что же касается термина *imperator*, то в Римской республике он первоначально обозначала любого магистрата, облеченного империем (*imperium*), то есть высшей военной властью. Как подчеркивает А.В. Васильев, империй являлся «основополагающей для римского сознания категорией верховной власти» [8, с. 9]. Со временем первоначальный смысл слова, как свидетельствует античная литературная и эпиграфическая традиция, был оттеснен на задний план другим, более специфическим значением: императором в узком смысле слова именовался тот магистрат с империем, который после крупной военной победы провозглашался таковым своими воинами – эта процедура называлась аккламацией (*acclamatio*). Тем самым термин «император» стал почетным титулом, который должен был свидетельствовать о полководческом таланте и, возможно, о сверхчеловеческих качествах данного магистрата [83, p.1377 f.]. Если римский сенат утверждал аккламацию, за ней обычно следовал триумф, т.е. торжественное вступление победоносного полководца в Рим. По окончании триумфа триумфатор слагал с себя как звание императора, так и империй.

Самые ранние сведения об аккламациях восходят ко II в. до н.э. Примерно с того же времени императором стали называть не только полководца, удостоенного аккламации, но и вообще действующего в военной сфере (*militiae*) магистрата, а особенно – промагистрата, прежде всего по отношению к подданным Рима. Так этот почетный титул начал обозначать властителя, сначала лишь в применении к провинциалам, а затем, по мере углубления кризиса Римской республики, – и по отношению к римлянам.

Этот титул был удобен тем, что он, с одной стороны, не обозначал определенного государственно-правового положения, но с другой, особенно если данный военачальник был неоднократно удостоен аккламации, указывал на военную мощь его носителя и тем самым отличал его от обычного магистрата. Для полководцев, которые в обстановке гражданских войн узурпировали власть, он служил эрзацем законной магистратуры. Если удачливый военачальник (Сулла, Цезарь) захватывал единоличную власть, то следующим шагом должно было стать ее оформление, что на практике означало выбор из числа существовавших экстраординарных магистратур титула диктатора или императора. Сулла выбрал первый, Цезарь оставил за собой оба.

Октавиан (будущий Август) продолжил эту практику, отказавшись с 40 г. до н.э. от своего личного имени (Гай) и заменив его титулом *imperator* [87, Sp. 1145]. Начиная с Августа и вплоть до конца античной эпохи, все правители Римской империи следовали этой практике, которая подчеркивала военный в первую очередь характер их власти. Это слово уже в Восточной Римской империи подразумевало «единовластие» и переводилось на греческий язык, как уже указывалось выше, соответственно: *autokratōr*.

На русский язык слово «император» переводилось как «самодержец» («Книга глаголемая алфавит, Сказание о всяких вещех и иностранных речей…», XVII век) [61, вып. 6, с. 231]. Вероятно, под влиянием иноязычной среды использовал это слово в своих письмах князь А. Курбский: «Не-

удобно бывает человеку грубому и неученому, и еще к тому умом вредженному, императором быти» [67, с. 411]. Но русских государей титул «императора» не прельщал; «царь», расценивавшийся как более универсальный, вполне удовлетворял их амбиции.

Термин был востребован новой, реформаторской эпохой. Стремясь стать полноправным и авторитетным участником европейской политики, Петр I после подписания Ништадтского мира со Швецией принял в 1721 году титул императора Всероссийского. Обосновывая правомерность нового наименования, канцлер Г. И. Головкин в торжественной речи сказал, что «… титул Императорский Вашего Величества достохвальным Анцессором от славнейшаго Императора Римскаго Максимилиана, от нескольких сот лет уже приложен, а ныне от многих Потентантов дается… дерзаем Вам приложити по прикладу древних Греческих и Римских Синклитов, которые своими славными делами и милостию прославившимся Монархам оное прилагали» [44, т. 6: 1720-1722, № 3840, с. 444-445]. Стереотип предшествовавшей культуры – ориентация на римско-византийские традиции – вновь проявил себя, но выразился по-новому. Термин также подчеркивал переход России в иное качество – «империи» [31, с. 127; 77, с. 21], свидетельствовал о завершении процесса формирования российского абсолютизма [38, с. 14], декларировал «западничество» Петра I [36, с. 31]. Ю. М. Лотман считал, что это был прежде всего акт культурной переориентации – титулы «царь» и «император» воспринимались не как синонимы, а в качестве своего рода антонимов, отражая языковыми средствами столкновение сознания двух эпох [35, с. 202-203]. Интересно, что жена и дочери Ивана Алексеевича продолжали именоваться соответственно «царица», «царевны», в то время как императрица называлась уже «цесаревино величество», а дочь Петра – «цесаревна» [35, с. 202-203]. Начиная с Петра I, предложившего новую формулировку титула, «император» – одно из двух ключевых слов, наряду с «самодержец», определявших существеннейшие признаки российской верховной власти.

Если титул «император» в античном Риме стал играть роль личного имени властителя, то с именем «Август» произошло диаметрально противоположное – оно стало титулом с весьма своеобразной судьбой.

В республиканскую эпоху слово *augustus* могло употребляться лишь в религиозном контексте и очевидно контрастировало с *humanus* («человеческое»): *sancta vocant augusta patres*, – констатировал Овидий (*Fast.* I. 609) [82, p. 151]. *Augustus* было обычным эпитетом целого ряда богов, таких как Сатурн, Юпитер, Нептун, Аполлон, Марс, Меркурий, Геркулес, Сильван. Когда посмертно усыновленный Цезарем Гай Октавий, извлекший из своего родства с диктатором максимальные политические дивиденды, уничтожил своих конкурентов и стал единоличным правителем Рима, ему потребовалось эту огромную власть оформить.

Чрезвычайные полномочия триумвира, которыми он был облечен с 43 г. до н.э. вместе с Антонием и Лепидом, для новой ситуации явно не годились, так как были неразрывно связаны с кровавыми эксцессами гражданских войн и к тому же были ограничены определенным сроком, который давно истек. Титул диктатора был скомпрометирован Суллой и Цезарем, да к тому же отменен сенатом «на вечные времена» после убийства последнего. Обсуждалась возможность дарования Октавиану имени «нового Ромула», то есть второго основателя Рима, но это вызывало нежелательные ассоциации с царской властью, в ненависти к которой традиционно воспитывались многие поколения римлян. Поэтому избран был иной вариант, как в сфере государственного строительства, так и в личной титулатуре.

Политическое урегулирование 27 г. до н.э. ознаменовало создание новой системы, получившей название принципата, в которой новое, монархическое начало сочеталось со старыми республиканскими институтами, отмиравшими лишь постепенно, на протяжении многих десятилетий и даже столетий. Формально Октавиан, «сын божественного Юлия», 13 января того самого года отказался от полномочий триумвира и «восстановил республику римского народа» (CIL. I^2. P. 231), за что 16 января по постановлению сената ему было преподнесено почетное имя Августа (CIL. I^2. P. 229; RgdA. 34.2; Ovid. *Fast*. I.589 sqq.; Suet. *Aug*. 7.2; Vell. II.91; Censorin. 21.8; Dio Cass. LIII.16.), под которым этот великий государственный деятель и вошел в историю.

Хотя Август явно намеревался передать это имя преемнику (Suet. *Tib*. 17, 26), Тиберий, демонстрируя свою скромность и преклонение перед гением обожествленного предшественника, не позволил сенату принять соответствующее постановление. Однако он разрешил именовать себя Августом устно и письменно, в том числе в официальной переписке с царями и династами (Suet. *Tib*. 26; Dio Cass. LVIII.2.1; 8.1–2). После него все императоры принимали это имя – исключение составляет только Вителлий (Tac. *Hist.* II.62; 80). Сформировавшаяся практика предусматривала дарование сенатом имени Августа, фактически ставшему титулом, каждому очередному императору (Tac. *Hist.* I.47; SHA. *Alex. Sev*. 1.3; *Probus* 12.8). Примечательно, что этот титул принимался всеми действующими

императорами и никогда – любым другим членом императорской фамилии. Соправители императора обходились без титула августа до 161 г., когда после смерти Антонина Пия августами стали сразу оба его преемника, Марк Аврелий и Луций Вер. В дальнейшем эта практика получила развитие в Поздней империи: прогрессировавшие центробежные процессы заставили прибегнуть к децентрализации управления, когда появились август Востока и август Запада, каждый во главе своей части формально единой державы.

Что касается женского варианта этого титула, то впервые имя Августы получила Ливия, вдова Августа, которая была, как это ни парадоксально с нашей точки зрения, согласно его завещанию, удочерена им, введена в род Юлиев, в котором он сам был приемышем, и стала именоваться Юлией Августой (Ovid. *Fast.* I.536; Tac. *Ann.* I.8; Dio Cass. LVI.46.1). Со времени Домициана (81–96 гг.) именование жены правящего императора августой стало общим правилом; дарование этого титула ей и другим его родственницам было особой почестью и проводилось через сенат (для последних скорее в виде исключения) [82, p. 151; 85, Sp. 2370 f.].

Слово «август» стало в России, наряду с термином «император», еще одним приобретением политического лексикона. Наряду с теорией «Москва – третий Рим», идея наследия власти римских императоров воплотилась и легенде о происхождении московских князей от Пруса, мифического брата императора Августа. Из литературной публицистики («Послание Спиридонова – Саввы», «Повесть о князях владимирских» [17, с. 162, 175, 188-189]) отзвуки этого сказания проникли и в официальные документы. В послании шведскому королю Иогану III Иван IV подчеркивал: «Мы от Августа Кесаря родство ведемся, а ты усужаешь нам противно богу» [47, с. 158]. При венчании на царство Петра II звучало: «… изыде великих государей царей российских корень, и самодержавтвоваху в Велицѣй Россіи, от превысочайшего первого великого князя Рурика, еже от Августа кесаря и обладающего всею вселенною…» [Цит. по: 3, с. 111]. Постепенно «августейший», производное от «Август», все чаще использовалось в обращении к царям: «Совершися … сия новая кнга повелением великаго нашего монарха цря и августа Алексия Михайловича» (Снафарий «О сивиллах», 1672) [Цит. по: 61, вып. 1, с. 19], а со времен Петра I стало общепринятым эпитетом императорского дома [78, с. 74]: «Благочестивейшему, высочайшему и присно почитенному, августу, великому царю и самодержцу… государю Петру Алексеевичу, апостольское благословение» [62, вып. 1, с. 15]. Заимствованное через греческое Augoustos, от латинского «Augustus» [72, т. 1, с. 59] (титул римского императора Октавиана, ставший нарицательным и распространенным в средневековой Германии), «августейший» в России трактовалось как «царственный» [5, т. 1, с. 46; 62, вып. 1, с. 16], «священный» [80, с. 217]. Широко использовалось как его эквивалент (или как перевод) [39, т. 1, с. 13] выражение «его священное царское величество».

Термин «царь» восходит к латинскому Caesar (от греческой формы этого имени Kaisar происходит императорский титул в немецком языке – der Kaiser). Наиболее известным носителем этого *cognomen* не вполне ясного происхождения был Гай Юлий Цезарь, знаменитый римский политический деятель, полководец, писатель и оратор. Патрицианский род Юлиев, к которому он принадлежал, вел свое происхождение от троянского героя Энея и его матери, богини Венеры. Юлии принадлежали к правящему нобилитету Римской республики и дали ей немало видных политиков и военачальников. Это не помешало двум представителям этого рода, Цезарю и Августу, стать могильщиками республиканского строя и основателями Империи, а их *cognomen* стал в императорском Риме синонимом термина *imperator*[84, p. 860; 86, p. 254]. Но, если правящий император одновременно носил титулы цезаря и августа, то официальный наследник его власти именовался «только» цезарем – права на титул августа он не имел, пока после смерти предшественника не наступал его черед править государством (*dies imperii*). Эта практика сохранялась буквально вплоть до последних дней Западной Римской империи [74, с. 242].

С XV века получил распространение еще один термин, определявший верховную власть в Московском государстве, – «царь». Слово заимствовано еще до окончательного распада общеславянского языка [59, ст. 37, с. 7-8]72, т. . Оно пришло через готское заимствование из греческого языка слова Kaisar – «император» [72, т. IV, с. 291; 7, с. 93]. Древнерусским языком слово «цѣсарь» было воспринято от болгар после принятия христианства, где «цар» использовалось при титуловании правителей [48, т. 2, с. 1183; 5, т. 19, с. 675]. В письменных памятниках XI и XII веков оно изображалось «цср» – «цесарь», впоследствии «с» под титлом исчезло и получилось «црь» – «царь» [27, с. 138]. Подобные сокращения были обычными при титуловании [48, т. 2, с. 1183].

Высказывалось предположение, что слово имеет более древнее происхождение, восходя корнями к ассирийскому «sar» (сар) – «правитель». Во время походов Александра Македонского оно вошло в греческий лексикон. Распространенное в Македонии именно в этом варианте, как обозна-

чавшее могущественного и самовластного правителя, это слово было затем использовано Кириллом и Мефодием при переводе Священного Писания на славянский язык [64, с. 44-45]. Хотя эта гипотеза маловероятна, но привлекательна возможностью объяснить существование параллельно в древнерусском языке слов «царь» – «цесарь», «царевич» – «цесаревич». Более того, если слово «царь» не имело отношения к римской имперской традиции, то его смысловой оттенок менялся – скорее «восточный деспот», нежели «император».

В письменных памятниках средневековья, наряду со словом «царь», встречается и «кесарь». Оно использовалось исключительно для обозначения римских императоров [64, с. 43], в то время как «царь» могло служить для обозначения правителя вообще. Противопоставление «цесаря» и «кесаря» (Супральская рукопись евангельского текста, Изборник 1073 года, Мстиславово евангелие XII века) подметил Ю. Лотман, посчитав это свидетельством противопоставления византийской власти [35, с. 202], оттенявшим ориентацию Киевской Руси на Византию, а не на Рим.

Первоначально термин «царь» применялся к государям, упоминавшимся в Священном писании, к византийским императорам, восточным властителям: «Радуйся, царь Иудейский» (Евангелие от Матфея, Остромирово евангелие, 1056/1057 год) [70, т. 3, стлб. 1462], «Бысть в Грецах царь, именем Михаил» (Четвертая новгородская летопись, 637 год) [70, т. 3, стлб. 1434]. Вряд ли можно согласиться с мнением М. В. Ильина, который считает, что титул царя использовался нашими предками прежде всего для обозначения властителя, в чью империю попадала Русь [22, с. 233]. В. О. Ключевский отмечал что с XI века некоторых русских князей называли иногда царями в виде почетного отличия [27, с. 138], но это не подразумевало, как считает А. И. Филюшкин, никакого религиозно-идеологического содержания [73. 145]. И. И. Срезневский находил подтверждение этому в письменных источниках XII века: «Аз раб божий недостойный, худый, грешный списах памяти дела царю нашему» (Мстиславово евангелие, 1117 год) [70, т. 3, стлб. 1462]. В позднейших летописных сводах царем называли Владимира Мономаха, Мстислава Галицкого[39, т. 3, с. 954; 55,отд. IV, т. 3, с. 552], но, по мнению М. Б. Плюхановой, авторы письменных памятников XV–XVI веков отличали князей Киевской Руси от московских царей – Мономах только «наречеся царь и Мономах» [43, с. 188].

П. Я. Черных относит к XIII веку использование термина «царь» как название татарских ханов [75, с. 211]. Это не было случайностью, поскольку значение слова изначально включало в себя такие семантические признаки как «старший», «властвующий», «сильный», «могучий», «верховный правитель» [14, т. IV, с. 571], то есть власть более «высокая» по сравнению с властью удельных правителей. Закономерно, что хан Золотой Орды, считавшийся правителем более высокого ранга, чем русские князья, назывался царем [28, с. 369-370; 1, с. 89] (В. В. Колесов видит в этом отчасти недоразумение – произношение этого слова совпало с соответствующим тюркским определением к титулу владыки земли и неба) [30, с. 269]. Широко использовалось слово «царь» как название верховной власти других государств и в дальнейшем (Кучум – царь сибирский, например), в то время как слово «государь» употреблялось, как правило при наименовании русских верховных правителей [75, с. 214].

Постепенное возвышение московских великих князей, складывание единого государства, обретение Московской Русью независимости изменило суть верховной власти. «Из-под великокняжеской вотчины,– писал К. Д. Кавелин,– проглядывает государство, отвлеченное нравственное лицо, имеющее свое физическое существование и самостоятельное, разумное значение» [23, 48]. Глава этого государства – единоличный, наследственный правитель территории, занимаемой русским народом, политически независимый и самостоятельный. Такое содержание и вкладывалось в слово «царь» [66, с. 176-178]. По мнению С. Ф. Платонова, перелом в народном сознании произошел в XV веке – литературные источники называют Дмитрия Донского уже не только князем московским, но и «царем Русским» [42, с. 196]. В. О. Ключевский считал, что на политическом языке Московской Руси XV-XVI веков слово «царь» означало не государя с неограниченной внутренней властью, а властителя, независимого ни от какой сторонней внешней власти, никому не платящего дани [26, с. 123]. В современной литературе высказывается иное мнение: титул «царь» означал, что его носитель – единственный, возвышающийся надо всеми неполноправными подданными-министериалами правитель [9, с. 47]. В. О. Ключевский в данном случае очевидно ближе к истине, ведь титул царя Иван III начал использовать, только перестав быть данником хана.

Включенное в официальный титул московских государей слово «царь», по мнению ряда исследователей, несло и еще одну смысловую нагрузку – переход к Москве византийского императорского наследия, заявка на статус «христианского царя» [71, с. 26; 2, с. 12-25; 36, с. 30-33; 9, с. 29]. Вряд ли это в полной мере осознавалось Иваном III, женившимся на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог. Уместнее в таком случае было бы заимствовать слово «васи-

левс». С.Ф. Платонов подчеркивал, что увлечения византийскими идеалами в то время, когда строй, их воплощавший, терпел крушение, среди русских людей быть не могло [42, с. 198]. Новое же явление в общественно-политической мысли – теория Филодея «Москва – третий Рим», проанализированная затем русскими философами и публицистами, – добавило позже еще один «идеологический» компонент в значение термина «царь», что характерно для политической лексики. В сознании же московских государей, как и всех русских людей, сомнительные лавры рухнувшей Византийской империи уступали по весомости наследию орды. Не случайно Иван IV первостепенное значение придавал завоеванию государств – ее приемников – Казанского и Астраханского ханств. Русским послам предписывалось на возражения против русского царского титула отвечать: «… А наши государи от начала по своему государству по Русскому зовутца цари, которые венчаются… и государь наш ныне, з Божьею волею, пишетца царем Русским и Казанским…»[Цит. по: 56, с. 297]. В ряде памятников взятие Казани рассматривалось как прямое следствие принятия Иваном IV царского титула, или же дата принятия титула смещена и уже сама напрямую связывалась с покорением Казанского ханства [73, с. 146].

Иван IV, венчавшись на царство (1547 год), включил слово «царь» в титул: «Бога в Троице славимого милостью, Великий Государь, Царь и Великий Князь…». Петр I в 1721 году заменил «царь» на «император» и слово сохранилось только в четвертой части титула: «…Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польши, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский…» (формулировка, утвержденная Николаем I в 1825 году и существовавшая до 1917 года) [59, ст. 37, с. 7-8].

Русский язык в XVII–XVIII веках, в силу своей ненормированности, был открыт для различного рода внешних влияний. Одним из заимствований этого периода стало слово «монарх» [65, с. 383], произошедшее от греческих слов «monos» («один») и «archē» («власть»). Термин «монарх» трактовался как «самодержец» [58, с. 198], «единовластитель» [60, ч. III, стлб. 845]. Первоначально этим словом именовали правителей иностранных государств[61, вып. 9, с. 258], позже стали применять и по отношению к российским государям. Слово «монарх» не вошло в титул, но использовалось как официальное определение верховной власти: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный» [59, ст. 1].

Краткий обзор этимологии терминов, зафиксировавших представления русского народа о верховной власти, анализ содержания понятий показывают, что явления политической жизни накладывали отпечаток на лексико-семантическую систему языка. Генезис российской государственности, тенденции этого процесса, как реализованные, так и сошедшие на нет, взгляды общества, идеологические концепции – все это облекалось в словесные оболочки. Лексика не могла не отразить и столь значимый для народа феномен, как верховная власть. Эволюция в общественном сознании представлений о функциях правителя фиксировалась языковыми коррелятами, часть которых затем кодифицировалась в качестве государственно-правовых терминов. Существенную роль в этом процессе играл носитель верховной власти. Руководствуясь собственным пониманием, политической конъюнктурой, учитывая международные факторы и мнения своего окружения, правитель мог использовать то или иное наименование, внедряя его через нормативные документы и информационные каналы в общественное сознание. Но чаще все же было наоборот. Реальная практика определяла выбор тех или иных лексических единиц, обуславливала вторичную контаминацию известных слов и заимствование иноязычных терминов. Будучи однажды включены в политический дискурс, термины, определявшие представление русского народа о верховной власти, последовательно доминировали, в дальнейшем они, как правило, не исчезали, а лишь оттеснялись, выстраивались, как бы по ранжиру, друг за другом.

Термин «царь», отшлифованный веками, как никакой другой обладал устойчивым содержательным компонентом. Ни конъюнктурные соображения, ни политическая целесообразность не изменили суть понятия. Толковые словари XIX – начала XX веков однозначно трактовали термин как носитель «верховной власти». В. И. Даль, уточняя признаки этого понятия, употреблял прилагательные «сильный, могучий, старший» [14, т. IV, с. 571].

Трактовка в толковых словарях термина «самодержец» отразила становление государственной идеологии. В «Российском Целлариусе» (1771 год), где соответствующая статья впервые появилась, говорилось, что самодержец – обладатель неограниченной власти [63, т. 13, стлб. 129]. Либеральные стремления молодого Александра I предоставили благоприятные возможности для обсуждения проблем будущего политического и общественного устройства России. Плодом просвещенческих усилий стал проект М. М. Сперанского. Подчеркивая необходимость юридического оформления государственного устройства, он предлагал «… облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия» [68, с. 103]. Наряду с реформаторской, в общественной мысли проявилась и охранительная тенден-

ция. Н. М. Карамзин в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811 год) предпринял попытку историософского осмысления самодержавия. Он писал, что над всеми «… государь, единственный законодательный источник власти. Вот основание российской монархии, которое может быть утверждено или ослаблено правилами царствующих» [24, с. 103]. Официальная идеологема самодержавия, отторгая реформаторские, была восприимчива к консервативным предложениям. «Словарь Академии Российской …» в духе Н. М. Карамзина пояснял: «Самодержавие – власть самодержца, управление самовластное государством; самовластный, законодательную власть в себе заключающий», «Самодержец – государь, самовластно, не завися ни от кого, управляющий» [60, ч. V, стлб. 19].

Идея самодержавия была в центре политического противостояния начала XX века. Вопрос о титуле «самодержец» стал камнем преткновения развернувшейся в годы первой русской революции дискуссии. Преобразования внутреннего строя империи после Манифеста 17 октября 1905 года неизбежно вели к ограничению верховной власти. Николаю II трудно было согласиться с потерей прерогатив, зафиксированных в государственно-правовых терминах. Особое совещание в Царском Селе с участием царя 7 и 9 апреля 1906 года обсуждало формулировку статьи новой редакции «Основных государственных законов» [33, с. 291]. Подготовленное к заседанию С. Князьковым историческое изыскание, предпринятое по заказу С. Ю. Витте, смягчало столь существенную для императора потерю. По мнению автора, власть могла и впредь называться самодержавной, поскольку это означало государственную независимость [29, с. 37]. Ряд правоведов присоединился к этой точке зрения. Б. Б. Глинский указывал на сохранение наследственного права у российского императора [11, с. 601], позже В. М. Грибовский, подводя итоги дискуссии, пояснял, что самодержец являлся носителем государственной власти все функции которой замыкались в его Особе [13, с. 25]. Все же слово «неограниченный» из статьи I новой редакции «Основных государственных законов» исчезло [54, с. 44]. Официальная идеология, скрадывая нанесенный революцией удар по царскому режиму, вновь с усиленной энергией пропагандировала теорию «народного самодержавия», акцентировала внимание на связи царя с народом. В «Новом энциклопедическом словаре» пояснялось, что «… русское государство остается верным в течение целого ряда столетий своим чисто народным основам.., сохранению идеи народного самодержавия» [40, т. 14, с. 550]. В соответствии с политическими реалиями в «Энциклопедическом словаре» Ф. Павленкова говорилось, что верховная власть императора России, ранее была неограниченной; но с 1905 года совместно с ней действует законодательная власть Государственной думы и Государственного совета [81, стлб. 2234].

Термин «император», в отличие от «самодержец», никакой двусмысленности не содержал. В толковые словари он включался с 1731 года [63, т. 5, стлб 306]. «Словарь Академии Российской…» трактовал его как титул государя [60, ч. II, стлб. 1141]. Словарь А. Старчевского, кроме этого, указывал на историческую преемственность термина («… от нескольких сот лет уже приложен…»), на религиозную подоплеку («христолюбивый государь»), на важнейшие функции этой формы власти – законодательную и административную, на специфику России, где император самодержавный и неограниченный [69, с. 92]. «Русский энциклопедический словарь» (том увидел свет в 1877 году, когда идея славянского единения была столь актуальной) акцентировал внимание на том, что «… император – титул главы государства с обширными территориями» [55, отд. II, с. 378]. В. И. Даль, приводя понятную для широкого круга читателей формулировку, использовал как синонимы слова «властелин», «правитель» с уточнением «неограниченный», «высший по сану» [14, т. II, с.42]. «Большая энциклопедия» в исторической справке подчеркивала, что Петр I – законный преемник восточноримских императоров, в то время как среди 11 монархов, имевших тогда (1902 год) этот титул, были и нелегитимные [5, т. 10, с. 55]. Отличием статьи «Нового энциклопедического словаря» было упоминание об исключительности и священной природе императорской власти, дающей авторитет над совестью подданных и над церковью [40, т. 19, 279]. Подобное напоминание было не лишним в беспокойные послереволюционные годы.

Слово «монарх» впервые было зафиксировано Ф. Поликарповым в 1704 году («Лексикон трезыкный, сиреч речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровище») [63, т. 6, стлб. 1704]. Из издания в издание толковые словари поясняли, что это глава государства, причем в Российской Империи его власть неограниченна и самодержавна [55, отд. III, т. 2, с. 350; 5, т. 13, с. 334]. Но реальная политическая жизнь и в эту словарную статью внесла свои изменения. Сравним два варианта, разделенных десятилетием. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (том опубликован в 1896 году) указывалось, что монарх пользуется властью милостию Божией по собственному праву, не делегированному ему никакой другой властью [79, с. 701]. «Новый энциклопедический словарь» (том опубликован после первой русской революции), отражая повышенный общественный интерес к про-

блеме государственной власти, указывает, что монархия есть одна из древних и наиболее жизненных политических форм, подчеркивает, что своим возникновением часть монархий обязана акту избрания (приводится пример избрания Михаила Романова). Симптоматично, что никаких рассуждений о власти «Божьей милостию» нет, более того, написано, что «… монарх – должностное лицо, стоящее во главе государства, он не собственник государственной власти, а ее орган». Интересно и рассуждение о том, что неограниченная монархия и управление на твердых основаниях законов несовместимы, «… ибо ни одна в мире власть не может добровольно ограничить себя своими собственными, более ранними предписаниями, если только ими не созданы учреждения, ее фактически сдерживающие» [40, т. 27, с. 31]. Во второй половине XIX века возникло производное от «монарх» – слово «монархизм». «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания издаваемый Ф. Толлем» (1863 год) содержал первое определение этого термина – «… система единодержавия и приверженность к ней» [39, т. 2, с. 904]. После первой русской революции словари включают уже отдельные статьи о монархистах [40, т. 27, с. 29; 81, стлб. 1451]. Новые слова, выражавшие первоначально доступный лишь для немногих смысл, в 1910-е годы стали носителями общего широкого значения, понятного большинству общества.

Разнообразие терминов, определявших верховную власть, обилие семантических оттенков, порожденных специфическими чертами и особенностями российской государственности, свидетельствовали о значительной роли, которую играло государство в жизни людей, об укорененности в общественном сознании монархической идеи. Сложился синонимический ряд: царь, государь, самодержец, император, монарх, помазанник Божий, Царственная особа, Высочайшее имя, Священная особа. К ним примыкали слова, синонимия которых определялась контекстом,– правитель, властелин, властитель.

Тщательно отбиралась лексика официальных документов, манифестов, указов. Наряду с нормативными наименованиями главы государства – «Его Императорское Величество», «Государь Император» – использовались так же выражения «Священная Особа», «Дом Романовых», «Высочайшее Имя», «Престол», «Августейшее семейство», «Царственная Особа». Но предписанные законом обращения к императору – «всепресветлейший», «державнейший», «великий» [80, с.217] – не стали языковым стандартом и лишь в отдельных случаях, не считая официальных адресов, можно найти примеры их использования, в основном, в прошениях на имя государя.

Среди параметров социальной ситуации, оказывавших детерминирующее воздействие на дифференцированное использование лексических единиц, можно отметить и ролевые отношения. Так, сам император и члены его семьи чаще употребляли слова «император», «престол», «царь», «самодержец» [45; 41; 51; 50]. В научных исследованиях gредпочитали термины «монарх», «абсолютизм», «верховная власть», «династия», «царствующее лицо» [15; 19; 25;32; 76]. Если человек выступал в роли просителя, то использовал слова «Ваше величество», «великий государь», «царское величество», «августейший попечитель», «царь-благодетель» [52, л. 28-29; 53]. Если носитель языка комментировал события как современник, то выбирал лексические единицы «двор», «верхи», «государь», «царь» или имена собственные «Александр III», «Николай II» [6; 16; 37;49; 57].

Этот стереотип был настолько устойчив, что новые термины «император», «монарх» долго не приживались и не смогли, в конечном счете, потеснить в народном лексиконе привычное «царь». В старообрядческой среде даже в середине XIX века слово «император» активно отторгалось. В одном из сообщений правительству о раскольниках (1855 год) упоминалось о И. М. Ермакове, старообрядце фефеевского согласия, который говорил: «Императором Александра Николаевича не признаю, а признаю его царем. Титул же императорский… Петром великим заимствован от нечестиваго сатанинского папы Римского. Титул император значит «Перун, Титан или Дьявол» [Цит. по: 35, с. 203]. Д. Хомяков считал, что и в конце XIX века «имперство народу непонятно, и если он слышит этот титул, то относит его к числу риторических амплификаций, подобно “монарх”, слову, излюбленному нашим духовенством и непонятному народу по чуждости духа, но безвредному по содержанию» [18, с. 14].

Семантической доминантой сложившегося синонимического ряда терминов – наименований носителя верховной власти было слово «царь», аккумулировавшее в себе и «государственный инстинкт» народа, и тотемные атавизмы, и культурную традицию, и религиозные воззрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. А было ли иго? Круглый стол [Текст]: // Родина. 1997. №3-4. С. 88-90.
2. Алексеев Ю.Г. Россия и Византия: конец ойкумены / Ю.Г. Алексеев // Вестник Санкт-Петербургского университета. История, языкознание, литературоведение. 1994. Сер. 2. Вып. 1 (№2). С. 12-25.

3. Барсов Е.В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами: С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси [Текст]: / Е.В. Барсов. М., 1883. 160 с.
4. Бахтурина А. Бремя, а не привилегия / А. Бахтурина // Родина. 1996. №10. С. 14-17.
5. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С.Р. Южакова. СПб., 1900. Т.1. 802 с.; 1902. Т. 10. 794 с.; 1903. Т. 13. 794 с. 1906. Т. 19. 794 с.
6. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник / А.В. Богданович. М., Л., 1924. 504 с.
7. Буслаев Ф. Историческая грамматика русского языка / Ф. Буслаев. М., 1863. Ч. 1. 260 с.
8. Васильев, А.В. Магистратская власть в Риме в республиканскую эпоху: традиции и инновации [Текст]: Автореф. дис. … канд. ист. наук / А.В. Васильев. СПб., 2014. 19 с.
9. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланов», 1996. 802 с.
10. Гессен В. Самодержавие и Манифест 17 октября / В. Гессен // Полярная звезда. 1906. № 9. С. 623-634.
11. Глинский Б.Б. К вопросу о титуле «самодержец» (Из истории кодификации основных законов в 1906 году) / Б.Б. Глинский // Исторический вестник. Т. CXXXI. С. 567-601.
12. Градовский А.Д. Начало русского государственного права. Ч.1. О государственном устройстве / А.Д. Градовский // Собрание сочинений А.Д. Градовского. СПб.,1907.Т. 7. 433 с.
13. Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской Империи (Из лекций по русскому государственному и административному праву) / В.М. Грибовский. Одесса, 1912. 258 с.
14. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка / Владимир Даль / Набрано и напечатано со второго издания 1880-1881 гг. М.: Гос. из-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. II. 780 с.; T.IV. 684 с.
15. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Н.Я. Данилевский / Изд. 5 / Издание Н. Страхова. СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1895. 667 с.
16. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904-1905 гг. // Исторические записки. 1965. Т 77. С. 236-293.
17. Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских / Р.П. Дмитриева. М.; Л.: Соцэкгиз, 1955. 210 с.
18. Хомяков Д. Самодержавие (Опыт схематического построения этого понятия) / Д. Хомяков. М., 1903. 58 с.
19. Зандер А.А. Исторический очерк развития самодержавной верховной власти в России / А.А. Зандер. Вильно, 1908. 85 с.
20. Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли / Н.М. Золотухина. М.: Наука, 1985. 180 с.
21. Ивановский В.В. Русское государственное право. Т. 1. Верховная власть и ее органы / В.В. Ивановский. Казань, 1896. 533 с.
22. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий / М.В. Ильин. М.: «Российская политическая энциклопедия», 1997. 432 с.
23. Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России / К.Д. Кавелин // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 11-67.
24. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин. М.: Наука, 1991. 127 с.
25. Киреев А. Россия в начале XX столетия / А Киреев. Прага, 1902. 39 с.
26. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция XXVI / В.О. Ключевский // Сочинения. В 8 т. / подгот. к печати комментарии: В.А. Александрова, В.Г. Зимина. М.: Соцэкгиз, 1957. Т. 2. 468 с.
27. Ключевский В.О. Терминология русской истории. Лекция I / В.О. Ключевский // Сочинения. В 8 т. / подгот. к печати комментарии: В.А. Александрова, В.Г. Зимина. М: Соцэкгиз, 1959. Т. 6. С. 129-143.
28. Князев Е.А. Родная старина. Слова, термины, образы / Е.А. Князев. М.: Изд-во «Остожье», 1996. 396 с.
29. Князьков С. Самодержавие в его исконном смысле / С. Князьков. СПб., 1906. 37 с.
30. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси / В.В. Князьков. Л.: Лениздат, 1986. 286 с.
31. Коржихина Т.П. История российской государственности / Т.П. Коржихина, А.С. Сенин. М.: Наука, 1995. 230 с.
32. Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. СПб: Тип. Суворина, 1884. 603 с.
33. Кризис самодержавия в России. 1895 – 1917. Л.: Ленингр. отд-ние, 1984. 664 с.
34. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Том первый / (Воспроизведение текста издания 1926-1928 гг.). Изд. 2. М., 1961. 762 с.

35. Лотман Ю.М. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) / Ю.М. Лотман // Избранные статьи в трех томах. Таллинн: Александра, 1993. Т. III. С. 201-212.
36. Махнач В. Бремя Третьего Рима / В. Махнач // Родина. 1995. № 9. С. 30-33.
37. Милютин Д.А. Дневник / Д.А. Милютин. М.: ГБЛ, 1950. Т. 4. 204 с.
38. Мозговая Е.Б. Образ Петра I-императора в произведениях Бартоломео Карло Растрелли / Е.Б. Мозговая // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М.: Наука, 1995. С. 3-16.
39. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания, издаваемый Ф. Толлем / Ф. Толь. СПб, 1863-1864. Т. 1-3.
40. Новый энциклопедический словарь / Под ред. К.К. Арсеньева. СПб., 1904-1912. Т. 1-29.
41. Письма императрицы Александры Федоровны к императору. Берлин, 1922. Т. 1. 642 с.; Т. 2. 496 с.
42. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории / С.Ф. Платонов. М.: Высш. школа, 1993. 736 с.
43. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства / М.Б. Плюханова. СПб.: Акрополь, 1995. 336 с.
44. Полное собрание законов Российской Империи (Собрания I-III). СПб. (Пг), 1830-1916.
45. Полное собрание речей императора Николая II. 1894-1906. СПб., 1906. 230 с.
46. Полное собрание русских летописей. СПб., 1903. Т. 19. 546 с.
47. Послания Ивана Грозного. М., Л.: Соцэкгиз, 1951. 170 с.
48. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка, составленный А.Г. Преображенским / А.Г. Преображенский. М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. Т. 1-2.
49. Пуришкевич В.М. Дневник члена Государственной Думы Владимира Митрофанова Пуришкевича / В.М. Пуришкевич. Рига, 1924. 149 с.
50. Российский государственный исторический архив. Ф. 472. Оп. 48. Д. 807.
51. Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 48.
52. Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1195.
53. Российский государственный исторический архив. Ф. 1412. Оп. 251. Д. 105-107, 113, 115.
54. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / Под общей ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984-1994.
55. Русский энциклопедический словарь, издаваемый И.Н. Березиным. СПб., 1873-1877. Отд. I-IV.
56. Савва В. Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование царской власти московских государей / В. Савва. Харьков, 1901. 405 с.
57. Сайн-Витгенштейн Е.Н. (кн.) Дневник. 1914–1918 гг. / Е.Н. Сайн-Витгенштейн. Paris: Ymca-press, 1986. 302 с.
58. Сборник 1730 года – Речения иностранные противо Словено–Российских // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1910. Т. 88. С. 1-399.
59. Свод законов Российской Империи. СПб., 1892. Т. 1.
60. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806-1822. Ч.I-V.
61. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Изд-во «Наука», 1975-1982. Вып. 1-9.
62. Словарь русского языка XVIII века. Л.: Изд-во «Наука», Ленингр. отд-ние, 1984-1989. Вып. 1-5.
63. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951-1965. Т. 1-17.
64. Слово «царь», его глубокая древность. Киев, 1910. 50 с.
65. Смирнов, Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху / Н.А. Смирнов // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1910. Т. 88. С. 1-399.
66. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. В 15-ти кн. / С.М. Соловьев. М.: Соцэкгиз,1961. Кн.V. Т. 9.
67. Сочинения князя Курбского. СПб., 1914. Т. 1.
68. Сперанский М.М. План государственного преобразования (Введение к уложению государственных законов 1809 г.) / М.М. Сперанский. М., 1905. 359 с.
69. Справочный энциклопедический словарь: в 12 т. / под ред. А. Старчевского. СПб.: Издание К. Крайя, 1847. Т. 5.
70. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка / И.И. Срезневский / Репринт изд-ния 1893 г. М.: Госиздат, б. г. Т. 1-3.
71. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.) / Б.А. Успенский. М.: «Гнозис», 1994. 240 с.
72. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина / 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986-1987. Т. I-IV.

73. Филюшкин А.И. Термины «царь» и «царство» на Руси / А.И. Филюшкин // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 144-148.
74. Циркин Ю.Б. Начало конца Западной Римской империи / Ю.Б. Циркин // Мнемон. исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб, 2014. С. 231-252.
75. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период / П.Я. Черных. М.: Изд-во МГУ, 1956. 244 с.
76. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия / Б.Н. Чичерин. Берлин, 1901. 160 с.
77. Чичуров И. От какого наследства мы не отказываемся / И. Чичуров // Родина. 1996. № 5. С. 17-21.
78. Энциклопедический лексикон. СПб.: типография Плюшара, 1835. Т. 1. 366 с.
79. Энциклопедический словарь / Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1896. Т. XIXA. 517 с.
80. Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб.: Тип. И.И. Глазунова и Комп., 1861. Т. 1.
81. Энциклопедический словарь Ф. Павленкова / 5-е изд. СПб., 1913. 3104 стлб.
82. Balsdon J.P.V.D. Augustus, Augusta // Oxford Classical Dictionary / Ed. by Hammond N.G.D., Scullard H.H. Oxford: Clarendon Press, 1970. 1176 p.
83. Bleicken J. Imperator // Der kleine Pauly. München: Alfred Druckenmüller Verlag, 1975. Bd. 2. S. 1377-1378.
84. Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2042 p.
85. Neumann. Augustus // Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von G. Wissowa u.a. Stuttgart: J.B. Metzlerscher Verlag, 1896. Bd. 2. Sp. 2370-2372.
86. Oxford Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1968. 2126 p.
87. Rosenberg. Imperator // Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von G. Wissowa u.a. Stuttgart: J.B. Metzlerscher Verlag, 1914. Hbd. 17. Sp. 1139-1145.

Лобачева Галина Викторовна –
доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой «Историяи Отечества и культуры», проректор по учебной работе Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

Парфенов Виктор Николаевич –
доктор исторических наук, профессор кафедры «Историяи Отечества и культуры» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

Плеве Игорь Рудольфович –
доктор исторических наук, профессор, ректор Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

Galina V. Lobacheva –
Dr. Sc., Professor
Head: Department of Russian History and Culture, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

Victor N. Parfenov –
Dr. Sc., Professor
Department of Russian History and Culture, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

Igor R. Pleve –
Dr. Sc., Professor,
Rector: Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

Статья поступила в редакцию 17.11.14, принята к опубликованию 25.12.14